

ЛІТЕРАТУРА

1. Наєнко М. Григорій Косинка. Літературно-критичний нарис / М. Наєнко. – К. : Рад. письменник, 1989. – 172 с
2. Агеєва В. Автор і герой як виразники оцінки зображувального у прозі Г.Косинки // Агеєва В. Українська імпресіоністична проза – К.: Наук. думка, 1994. – 165 с.
3. Мовчан Р. Григорій Косинка /Р.Мовчан// Українська література: 11 клас: підручник для середньої загальноосвітньої школи/ За заг. Ред. Р.Мовчан. Київ-Ірпінь: Перун. – с.84-97
4. Баррі П. Стилістика //Вступ до теорії. – К. : Смолоскип. – 2008. – С. 242-261
5. Косинка Г. Заквітчаний сон / Г.Косинка. К. : Веселка, 1990. – 288 с.
6. Яструбецька Г. Експресіонізм – імпресіонізм: стильова опозиція чи дифузія? [Електронний ресурс] / Г. Яструбецька // Слово і час. – 2006. - №2. – Режим доступу: http://www.slovoichas.in.ua/index.php?option=com_content&task=view&id=280&Itemid=34&limit=1&limitstart=0

УДК 811.161.1-3.08

Хоминич Г.И.
(Київ, Україна)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ТРОПОВ В НОВЕЛЛЕ-ПРИТЧЕ И.А. БУНИНА «ГОСПОДИН ИЗ САН-ФРАНСИСКО»

У статті розглядається трансформація інтертекстуальних тропів у тексті І.О. Буніна «Господин із Сан-Франциско».

Ключові слова: *троп, інтертекстуальність, метафора, зіттовхування значень, полісемант, символ, текст, концепт.*

В статье рассматривается трансформация интертекстуальных тропов в тексте И.А. Бунина «Господин из Сан-Франциско».

Ключевые слова: *троп, интертекстуальность, метафора, столкновение значений, полисемант, символ, текст, концепт.*

Transformation of intertextual tropes in «Mister from San-Fransisko» by Ivan Bunin is highlighted in this article.

Key words: *trop, intertextuality, metaphor, collision of the meanings, polisemantic word, symbol, text, concept.*

Одно из самых характерных явлений современной умственной жизни и один из самых опасных ее соблазнов есть модная мысль *о сверхчеловеке*, – писал Вл. Соловьев [1 (10, 28-29)].

В 1909-1912 гг. в России впервые вышел русский перевод сочинений Фридриха Ницше. Появление философа индивидуализма Ф. Ницше было связано с кризисом позитив-

© *Хоминич Г.И., 2012*

визма – философского направления, определяющего подлинное (позитивное) знание как совокупный результат специальных наук и отрицающего философию.

В новелле-притче И.А. Бунина «Господин из Сан-Франциско» обыгрывается одна из тем произведения Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» – *Высшие люди находятся на пути к сверхчеловеку* [2 (2, 204)].

Согласно Ф. Ницше, человек является канатом (мостом) между животным и сверхчеловеком и есть нечто, что должно превзойти. Сверхчеловек – смысл бытия людей [2 (2, 8)]. Это сильная личность, живущая вне моральных норм.

Аналогию с текстом Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» задает метафорическая ассоциация *Новый Человек со старым сердцем* [3, 132].

Эпиграфом к новелле служат слова: «Горе тебе, Вавилон, город крепкий! А п о к а л и п с и с» [3, 117].

Через эпиграф автор открывает внешнюю границу текста для интертекстуальных связей и литературных вейний разных направлений и эпох [4, 32].

«Горе, горе, великий город Вавилон, сильный город, ибо в один час пришел твой суд!» – сказано в Писании [Откр 18, 10]. (Апокалиптическая тема: гордость и уничтожение Вавилона).

В тексте Ф. Ницше данная цитата из Откровения представлена в измененном виде:

И шут так говорил Заратустра: «О, Заратустра! Здесь большой город, город торгашей... Все пороки здесь у себя дома».

Горе этому большому городу!

Так говорил Заратустра [2 (2, 126-128)].

Проблема отношения двух градов (одного, который *составляется из людей, желающих жить в мире только по человеку, и другого – из желающих жить также и по Богу* [5 (3: 3, 9)]), осмысленная Августином в произведении «О Граде Божием» (412 - 426), трансформирована С. Булгаковым в книге «Два града» в идею *о двух противоположных видах общественности – одного, построенного на религии человекобожества, и другого – на религии богочеловечества* [6, 597].

Эпиграф к новелле подчеркивает преемственность идеи, указывает на выбор, сделанный автором.

В этом контексте слово *господин*, входящее в заглавие новеллы, указывает на вопрос, поставленный Ф. Ницше: *Кому быть господином земли?* [2 (2, 231-232)].

Согласно С. Булгакову, *в религии человекобожия человечество, вместо тела Христовая, объявляется телом Левиафана* [7, 82].

В социальном учении Т. Гоббса государство представлено в образе «великого Левиафана». Сущность государства, по Гоббсу, заключается в следующем: «Государство есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора огромное множество людей с тем, чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты. Таково рождение этого великого Левиафана, или того смертного Бога, которому мы под владычеством бессмертного Бога обязаны своим миром и своей защитой» [8 (2, 133)].

Государство? Что это такое? Государством называется самое холодное из всех холодных чудовищ. Холодно лжет оно: «Я, государство, емь народ». Государство лжет на всех языках о добре и зле; для лишних изобретено государство. Все готов дать

вам, если вы поклонитесь ему, новый кумир. Господствующие теперь называют господством: барышничают и торгуются из-за власти.

Посмотрите же на этих лишних людей! Богатства приобретают они и делаются от этого беднее. Власти хотят они и, прежде всего, рычага власти, много денег, – эти немощные! Посмотрите, как лезут они, эти проворные обезьяны! Все они хотят достичь трона: будто счастье восседало бы на троне! Часто грязь восседает на троне, – а часто и трон на грязи.

Сторонитесь идолопоклонства лишних людей – этих служителей кумира.

Так говорил Заратустра [2 (2, 36-37, 69)].

В представленном фрагменте текста обыгрываются значения полисемантов, входящих в словосочетание *холодное чудовище*.

В контексте *трон восседает на грязи* словосочетание *холодное чудовище* актуализирует образ библейского чудовища Левиафана, который «лежит на острых камнях в грязи» [Иов 41, 20]. (Оживление мотивирующего значения).

Государство уподобляется *новому кумиру*. Абстрактное понятие кумир персонифицируется и проявляет себя как лицо с крайне отрицательными моральными качествами (перен.: *холодное чудовище*): *холодно лжет, барышничают и торгуются из-за власти, любит греться в сиянии чистой совести и т.д.*

Уподобление государства кумиру актуализирует метафорический ряд: *государство – кумир; господствующие – служители кумира; господство – барышничают и торгуются из-за власти; рычаг власти – много денег.*

Расширение тропа осуществляется путем включения в текст полисемантов *пес, зверь, обезьяны* (метафоры: *государство – пес лицемерия* [2 (2, 95)], *государство – самый важный зверь* [2 (2, 95)], *лишние люди – обезьяны* [2 (2, 37)]).

Прямое значение слова *пес* (о характере животного) сталкивается с переносным (о человеке, вызывающем презрение своими поступками) [10 (3, 113)]. Под *зверем* следует понимать также *нечестивый град и народ неверных* [5 (4, 394)].

Метафорический образ государства, представленный в тексте Ф. Ницше, является контрастной параллелью к определению сущности государства Т. Гоббсом и реализует оценочный подтекст: нарушение государством своей основной функции – служения *общему благу* [8 (2, 132)].

Когда я велел вам разбить добрых и скрижали добрых, – тогда впервые пустил я человека плыть по его открытому морю. И теперь только наступает для него великий страх, великая осмотрительность, великая болезнь, великое отвержение, великая морская болезнь.

Так говорил Заратустра [2 (2, 155)].

Господин из Сан-Франциско – человек, разбивший скрижали добрых, который плывет по своему открытому морю. «Он богат, почти сравнялся с теми, кого некогда взял себе за образец, и положил поступить так же, как люди, к которым принадлежал» [3, 117] (в подтексте: поклонение человека человеку, человекобожие).

Вместе с ним плывут: «наследный принц, великий богач, похожий на прелата; знаменитый испанский писатель; всесветная красавица» [3, 120] и т.д. (У Ф. Ницше путешествуют: *короли, папа в отставке, самый ужасный человек, прорицатель* и т.д.).

Правдивым я называю того, кто идет в пустыни, где нет богов.

Так говорил Заратустра [2 (2, 74)].

Океан, по которому плывет «Атлантида», уподобляется «серо-зеленой водяной пустыне, тяжело волновавшейся в тумане» [3, 118].

Буржуазное государство начала XX века представлено в тексте в образе парохода – знаменитой «Атлантиды». Основой метафоричности является общий признак сравниваемых объектов: высокая цивилизация, основанная на безбожии.

Корабль «Атлантида» является символом прогресса – основного догмата религии человекобожия.

Главное открытие современных теорий, – писал С. Булгаков, – это законы Прогресса, или «поступательного развития общества», которые в силу диалектики повелевают сделать прыжок из царства необходимости в царство свободы. Роль Божества приписана понятию «закона развития производительных сил», который служит службу локомотива и доставит исторический поезд из царства необходимости в царство свободы [7, 396]. Наука – это машина, составленная из великого множества колес или частей [7, 416].

В тексте реализована метафора: «пароход «Атлантида» – челн науки».

Метафорическая ассоциация «государство – пароход» ведет к ряду уподоблений. Механизм рыночной экономики уподобляется «механизму всяческих машин, той кухни, в которой варилась движение корабля» [3, 132].

Полисемант *вал* реализует два значения: «вращающаяся деталь машины, передающая движение вращения связанным с ней частям», и «общий объем продукции, выражаемый путем обозначения ее стоимости в целом».

Исполинский вал уподобляется капиталу. «Медленное, с подавляющей человеческую душу неукоснительностью» вращение «исполинского вала» [3, 132] ассоциируется с постоянным движением капитала, его оборотом (повторением процесса кругооборота капитала). (Прототип: *рычаг власти – много денег. Так говорил Заратустра [2 (2, 37)].*)

Интертекстуальный троп *государство – чудовище* трансформирован в тексте в сравнение: *исполинский вал точно живое чудовище* [3, 132].

Глагольно-именные группы: (корабль) «был тверд, величав – и страшен; был похож на громадный отель со всеми удобствами; в самом низу корабля сипели паром громады котлов; гоготали топки, пожирившие своими раскаленными зевами груды каменного угля; вскипавшие громады (волн); серебряная пена (океана)» [3, 119, 118, 132], – актуализируют образ библейского Левиафана, о котором в Писании сказано: *Не умолчу о членах его, силе и красивой соразмерности их; из ноздрей его выходит дым, как из кипящего котла; дыхание его раскаляет угли; пред ним бежит ужас; сердце его твердо; он кипит пучину; оставляет за собою светящуюся струю, бездна кажется сединою [Иов 41,4; 12-14; 16; 23-24].*

Для оживления метафоричности в текст включается интертекстуальный троп *государство – самое холодное из холодных чудовищ*.

Кораблю (государству) приписываются признаки фантастического существа «с бесчисленными огненными глазами; многоутробной, побелевшей от снега громады, пожирающей своими раскаленными зевами груды каменного угля, тяжело одолевающей мрак, океан, вьюгу» [3, 119, 132].

Прямое значение сталкивается с переносным. Мир бедных («облитые едким, грязным потом люди; безответные, всегда шепотом говорящие бои-китайцы» [3, 119-120] и

т.д.) противопоставляется миру богатых («чертог; в зале, залитой огнями, танцы, во время которых мужчины до малиновой красноты напивались ликерами, цедили коньяк...») [3, 118-119] (В подтексте: не прогресс, а деградация человека).

И шут так говорил Заратустра:

Они холодны и ищут себе тепла в спиртном, они разгорячены и ищут прохлады у замерзших умов [2 (2, 126)].

Согласно Гоббсу, «государство должно направлять волю всех людей к внутреннему миру и к взаимной помощи против внешних врагов» [8 (2, 132-133)].

Вы говорите, что благая цель освящает даже войну? А я говорю вам, что благо войны освящает всякую цель.

Так говорил Заратустра [2 (2, 34)].

Интертекстуальный троп *война - благо* вводится в текст в составе высказывания *объявление войн - благо цивилизации* [3, 117-118] (в подтексте: не создатели общественного блага, а его разрушители).

В тексте реализована метафора: «челн науки – *самое холодное из холодных чудовищ*».

Но, подобно клыку вепря, должно мое слово бороздить основу вашей души: плугом хочу я называться для вас.

Так говорил Заратустра [2 (2, 66)].

Роль учения о сверхчеловеке в истории уподобляется изобретению плуга. Основной метафоричности является функция плуга: изменение жизни человеческого общества.

Интертекстуальный троп включается в текст сравнительным оборотом: «Океан ходил черными горами, вьюга крепко свистала, пароход весь дрожал, одолевая и ее, и эти горы, – *точно плугом разваливая на стороны их зыбкие громады*» [3, 119].

Не есть ли море павлин из павлинов? Даже перед самым безобразным из всех буйволов распускает оно свой хвост и никогда не устает оно играть своим веером из кружев, шелка и серебра.

Это сравнение привожу я поэтам. Поистине, самый дух их – павлин из павлинов и море тщеславия!

Так говорил Заратустра [2 (2, 91-93)].

Человеческая слабость – тщеславие поэтов – представлена в тексте в комическом виде.

Пенящаяся и переливающаяся на солнце морская волна уподобляется женскому *вееру из кружев, шелка и серебра*. Глагол *играть* реализует два значения: «двигать из стороны в сторону» и (перен.) «воздействовать на чувства» [10 (1, 628-629)].

Образ моря персонафицируется. Море проявляет себя как лицо – женщина, которая играет веером, чтобы понравиться и победить соперниц.

Переливающаяся под солнцем морская волна (быстрая смена пятен света и красок на ее поверхности) уподобляется переливающемуся разными красками, украшенному глазками надхвостью павлина, который он распускает веером. Результатом развертывания ассоциации является метафора: *море – павлин из павлинов*. Основой метафоричности является функция надхвостья павлина: способность распускаться веером, чтобы понравиться и победить соперников.

В тексте реализована метафора: *дух поэтов – павлин из павлинов и море тщеславия*.

Поэты играют словами, как море – волной, женщина – веером, павлин – надхвостем. Основой метафоричности является общий признак сравниваемых объектов: пред-

намеренность действий, направленных на то, чтобы понравиться и победить соперников.

Интертекстуальный троп *морская волна – хвост павлина* вводится в текст сравнением: «В Средиземном море снова пахло зимой, шла *крупная и цветистая, как хвост павлина, волна*» [3, 120].

Основой метафоричности является общий признак сравниваемых объектов: яркий блеск, богатство переливающихся красок и величина сравниваемых объектов.

Из Неаполя семья господина из Сан-Франциско отправилась на Капри. «Маленький пароходик так валяло со стороны на сторону, что семья из Сан-Франциско пластом лежала на диванах..., а горничная только смеялась» [3, 123] (*великая морская болезнь* [2 (2, 155)]).

Корабль бросил якорь у острова, где стоит дымящаяся гора.

Так говорил Заратустра [2 (2, 94)].

«В сумерках стал надвигаться своей чернотой остров, по смиряющимся волнам, переливавшимся как черное масло, поползли золотые удавы от фонарей пристани. Потом вдруг загремел и шлепнулся в воду якорь» [3, 123].

Полосы искусственного света на волнах вечернего моря уподобляются блеску чешуи ползущих по земле удавов. Основой метафоричности является общий признак сравниваемых объектов: черно-бурый фон, по которому тянутся ярко-желтые поперечные полосы, раздваивающиеся на боках.

К острову думали они некогда пристать, когда море бросало их во все стороны; но он оказался спящим чудовищем.

Так говорил Заратустра [2 (2, 64)].

«Остров Капри был сыр и темен в этот вечер. Но тут он на минуту ожил, кое-где засветился» [3, 124].

В тексте представлена сфера услуг общества, в котором разбиты старые скрижали и установлены новые ценности.

Но кто должен был созидать, у того были всегда свои вещи сны и звезды знаменья, и верил он в веру.

Так говорил Заратустра [2 (2, 86)].

...ученик, которого он любил больше всех, сказал: врагов своих видел ты во сне [2 (2, 98)].

В текст включается сценарий сновидения господина: «Вежливо и изысканно поклонившийся хозяин, отменно эlegantный молодой человек, встретивший их, на мгновение поразил господина из Сан-Франциско: взглянув на него, господин из Сан-Франциско вдруг вспомнил, что нынче ночью, среди прочей путаницы, осаждавшей его во сне, он видел именно этого джентльмена, точь-в-точь такого же, как этот, и с той же зеркально причесанной головой» [3, 124].

Содержание сновидения соответствует концепции субъекта и характеризуется как *путаница*. Увиденный во сне образ представляет нерешенную проблему, поставленную перед господином задачу: *создание сверхчеловека*, – и принимает в действительности образ хозяина отеля (*совпадение сна и действительности* [3, 125]). Глагольно-именная группа *осаждавшая его во сне* характеризует текстовый референт: учение о сверхчеловеке – враг, неприятель.

«Господин из Сан-Франциско оглядел свои короткие, с подагрическими затвердениями на суставах пальцы, ногти миндального цвета, в изнеможении присел перед трюмом... и дико захрипел» [3, 126-127] (*великая болезнь* [2 (2, 155)]).

Абстрактное понятие *сверхчеловек* персонифицируется и проявляет себя как лицо («хозяин отеля»): «счастлив, рад, вежливо и изысканно поклонившийся» [3, 124] (поведение хозяина до банкротства и смерти господина); «метался от одного гостя к другому, уверяя, что это пустяк; в вежливом и приличном раздражении пожимая плечами, уверяя, что он примет «все зависящие меры» к устранению неприятности; с бесстрастным лицом пожал плечами» [3, 127-128] (поведение хозяина после банкротства и смерти господина).

Нежелание помочь может быть благороднее, чем сострадание [2 (2, 191)]. *Эту новую скрижаль даю я вам: станьте тверды.*

Так говорил Заратустра [2 (2, 156)].

«Миссис робко сказала, что теперь надо перенести покойного в его комнату. – О нет, мадам, – уже без всякой любезности возразил хозяин, которому совсем не интересны были те пустяки, что могли оставить теперь в его кассе приезжие из Сан-Франциско, и твердо заявил, что тело должно быть вывезено сегодня же. – Можно ли достать на Капри хотя бы простой гроб, спрашивает мадам? К сожалению, нет, ни в коем случае. Придется поступить как-нибудь иначе. Содовую английскую воду он получает в больших и длинных ящиках, перегородки из такого ящика можно вынуть...» [3, 128-129] (поведение хозяина после банкротства и смерти господина).

Согласно С. Булгакову, *антропометизм, человекобожие ведет к отрицанию всякой святости, всякой ценности* [7, 101].

Хозяин отеля уподобляется сверхчеловеку. Основой метафоричности является общий признак сравниваемых объектов – отсутствие сострадания.

В тексте реализована метафора: *сверхчеловек – самое холодное из холодных чудовищ*. Полисемант *чудовище* реализует два значения: фантастическое существо (образ сновидения) и человек, с крайней отрицательными моральными качествами [10 (4,691)].

Коллективные и частные действия (услуги) хозяина отеля, горничной, Лоренцо и двух горничных, извозчика, – актуализируют иронический подтекст: идеальное общество будущего, свободное от сострадания.

Ужас напал на меня, когда увидел я нагими этих лучших людей: тогда выросли у меня крылья, чтобы улететь в далекое будущее.

Так говорил Заратустра [2 (2, 105)].

В текст включается прием сталкивания. «Лакеи срывали с господина галстук, жилет, смокинг и бальные башмаки...» [3, 127-128]. Прямое значение слова «нагой» (не имеющий на себе одежды) сталкивается с переносным (проявляющийся в своем настоящем виде).

Представления о будущем у Ивана Бунина и Фридриха Ницше различны.

Согласно Вл. Соловьеву, слово «сверхчеловек» *совмещает в себе ложь и правду удивительной доктрины Ф. Ницше. Человеку свойственно хотеть быть лучше и больше, чем он есть в действительности, ему естественно тяготеть к идеалу сверхчеловека. В представлении Вл. Соловьева, сверхчеловек должен быть прежде и в особенности победителем смерти, освобожденным освободителем человечества; и есть сверхчеловеческий путь, на конце его – полная и решительная победа над смертью* [1 (9, 268, 272-273)].

В условиях контекста слово *сверхчеловек* реализует два значения: *Иисус Христос* (конкретное) и *Заратустра* (отвлеченное). Контрастная параллель: *Иисус Христос – Заратустра; Истина – подлог истины; евангельский сверхчеловек – новый сверхчеловек, сочиненный Ф. Ницше; действительный победитель смерти – искусственная, бессодер-*

жательная фигура [1 (9, 272); (10, 28-31)], – актуализирует текстовый концепт: ницшеанский сверхчеловек (Заратустра) – не Спаситель, а Искуситель – прообраз Антихриста.

В тексте обыгрывается многозначность устойчивого выражения *Новый Человек со старым сердцем*. Словосочетание *новый человек* актуализирует разные образы.

О мое старое сердце!

Так говорил Заратустра [2 (2, 234)].

В данном контексте выражение *Новый Человек со старым сердцем* является метафорической перифразой имени собственного *Заратустра*.

В Древнем Риме *новым человеком* называли человека, который добивался славы и богатства. В этом контексте выражение *Новый Человек со старым сердцем* реализует два значения: «богач с большим сердцем», т.е. *господин из Сан-Франциско* (прилагательное «старое» указывает на возраст), и (ирон.) «ветхий Адам с гордыней в сердце» («старое» в значении «прежнее»).

Смысловыми центрами новеллы становятся следующие значения данного выражения: Заратустра (сверхчеловек); господин из Сан-Франциско (богач с большим сердцем), (ирон.) ветхий Адам с гордыней в сердце; хозяин отеля, а также окказиональный смысл (ирон.) – новый Заратустра, еще один *пророк и основатель новой религии* [1 (10, 29)] (*новый* в значении *вновь изобретенный* [10 (2,505)]).

Образ *Нового Человека со старым сердцем* противопоставляется в тексте образу Иисуса Христа – Нового Человека с новым сердцем.

Взгляд Матери Божией обращен к небу, *вечным и блаженным обитателям трижды благословенного Сына* [3, 131] – *истинного сверхчеловека* [1, (10, 30)].

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьев В.С. Собрание сочинений. – Фототипич. изд. – Брюссель. - 1966. // Соловьев В.С. Собрание сочинений: В 10 тт. – 2-ое изд. – С.Пб.: Просвещение, 1911-1914. - Т.9. – С.265-274; Т.10. – С.28-32.
2. Ницше Ф. Сочинения: В 2-х тт. – М.: Мысль, 1996. – Т.2 – 830с.
3. Бунин И.А. Последнее свидание. Избранное. – Минск: Мастацкая літаратура, 1978. – С.117-132.
4. Фатеева Н.А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи // Известия АН. Серия литературы и языка. –М.: 1998. – Т. 57. – №5. – С.25-38.
5. Августин Аврелий (Блаженный). Творения / Сост. С.И. Еремеева. – С.Пб.: Алетейя. УЦИММ – Пресс. К.: 1998. – Т.3. – 596с.; Т.4. – 585с.
6. С. Аскольдов. Сергей Булгаков. Два града // Булгаков С.Н. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. – М.: Астрель, 2008. – С. 597 – 598.
7. Булгаков С.Н. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. – М.:Астрель, 2008. – 784с.
8. Гоббс Т. Сочинения: В 2-х тт. – М.: Мысль. 1991. – Т.2. – С.129-133
9. Ревуцкий О.И. Распространение тропа «сталкивание значений» в русских поэтических текстах // Мова і культура. – К.: Видавничий Дім Дмитра Бураго. – 2009. – Вип. 12 – Т.VI (131). – С.207-213.
10. Словарь русского языка: В 4-х тт. – М.: Русский язык, 1981-1984.